

Муниципальное учреждение
Централизованная библиотечная система им. Н.В.Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

Т П Р У Н Я
КОНТАКТ

Рассказ, повесть

Новокузнецк
2012

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6-4
Т 65

ТПРУНЯ

Контакт: рассказ, повесть / ТПРУНЯ ; ответственный за выпуск – Калашников Н. Н. ; Муниципальное учреждение Централизованная библиотечная система им. Н. В. Гоголя ; Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2012. – 32 с., портр., ил.

©ТПРУНЯ., 2012

©Рисунки на обложке и в тексте – Константина Егорова

Их было трое...

Их было трое. Уже три часа они сидели в комнате. Часы начали бить. Кто-то сказал:

– Есть идея! Давайте напишем рассказ про нас!

Они долго мучились над первой строчкой, и, наконец, выдавили:

Их было трое. Уже три часа они сидели в комнате. Часы начали бить. Кто-то сказал:

– Давайте работать!

– Давайте, – откликнулся другой. Возможно, он считал себя самым умным и поэтому постоянно генерировал идеи. – Только побыстрее!

– Та-ак, – забарабанил пальцами самый скептический из них, – быстренько-быстренько, – он явно намекал на известный тройке анекдот.

Тут неожиданно погас свет. По столу, натываясь на предметы, зашарили руки.

– Где зажигалка? – раздался высокий зловещий голос.

– Откуда я знаю, – откликнулось из темноты.

– Должен знать! Она же у тебя в руках была.

Что-то с металлическим звоном прокатилось по столу и гулко упало на пол. Когда зажигалка была найдена и строптивый выключатель укрощён, и свет вновь залил комнату, то обнаружилось, что на столе нет большой железной пепельницы. Она была на полу, рядом громоздились окурки.

– Хи-хи-хи, – ехидно засмеялся Коммуникатор. – Добаловались ребята, – добавил он, стараясь незаметно вытереть руку о штаны. Но он был тут же разоблачён и привлечён.

Когда инцидент был исчерпан, а пепельница водворена на место, Генератор томно произнёс:

– Может, чайку, то, господа? Может, чайку попьём?

– Причём здесь «то»? – возмутился Коммуникатор. – Напиши просто: «Может, чайку выпьем, господа?»

– Хм, – скептически пожал плечами Генератор, презрительно сморщив нос. – Да ну, так не пойдет. Вот «Чайку, то, выпьем» – это да-а. Вы, не чувствуете модернистского приема, это же ново и оригинально.

– Модернист... – желчно процедил Коммуникатор.

– Новатор... Ты нас со своим новаторством в гроб загонишь, – подлил масла в огонь Скептик.

– Да-а, с вами далеко не уедешь. Ретрограды! И это наша передовая интеллигенция, и это наши мозговые аристократы. Цвет нации!

– Да. Цвет нации, я не боюсь этого слова. Не будем скромными, надо знать свою цену.

Страсти накалялись. Почти по Матфею. Но тут раздался голос:

– Кушать подано!

Мгновенно распри были забыты. Все гуськом устремились на кухню.

– Где тарелка? Вот тарелка...

Они положили на тарелки кучи яств и начали есть.

– Ну, что там у нас дальше по сценарию? – спросил Генератор.

– Трапеза, – шевеля ушами, ответил Скептик.

«Они навалились на еду, сало потекло по подбородкам.»

– Ну, зачем это? – сказал Скептик. – Идиотизмом занимаемся. Есть надо, а то все едят. – И он принялся за еду.

– Они приходят по ночам, а есть-то когда-нибудь надо! – вдруг трагически прошептал Коммуникатор.

Тройка дружно захихикала и тут же подавилась. Когда все прокашлялись, красный как рак Генератор спросил:

– А ты писать-то это будешь?

– Отвяжись, – ответил Скептик, сосредоточенно жуя, и выставил на всеобщее обозрение фигу.

– Может, чайку попьём?..

– Хлеба бы...

– Тряпку дай... У меня на лист картошка упала... Сам вытри... Чернила не размажь...

– А я уже всё съел, – раздался ехидный голос, и опять Коммуникатора.

– Работать-то будем или нет? Раз всё съел, так бери ручку и пиши.

Коммуникатор схватил ручку и склонился над засаленным клочком бумаги.

– Что писать-то? – спросил он.

– Приехали.. – сказал Скептик. – Здравствуйте, девочки!

Тут с руководящими указаниями влез Генератор:

– Да не так пишешь! Ниже тире надо ставить. Поставил? А вопросительный знак? А «спросил он»? Та-ак, хорошо, теперь «приехали». А теперь пиши «Здравствуйте, девочки!» Ну что тут непонятного?

– Гррм... Пора с этим кончать. Этот модернизм нас далеко заведёт, – сказал Скептик, прихлёбывая чаёк. – Давайте, господа, в старом добром стиле, начнём с начала: «Их было трое».

– Шиш с маслом! У меня есть великолепный кусочек, вот с него и начнём, – сказал Коммуникатор

– Ну, давайте...

– Пойдёмте, господа, – Скептик зловеще сверкнул глазами, – посмотрим твой кусочек.

– Подожди, мы ещё чай не допили.

– На том свете допьёшь.

– Этого записывать не надо, – сказал Генератор.

– Надо, надо, – желчно закричал Скептик.

– Ну, ладно, записывай, – согласился Генератор.

– Господа, мы так никогда не кончим, – сказал Коммуникатор. – Давайте по новой.

И они начали по новой.

Их было трое – в этой наполненной полумраком комнате. Сигаретный дым стлался над столом, на котором беспорядочной грудой лежали папки, книги, листы бумаги.

Громко пробили часы, вот уже третий раз с того момента, как они собрались. Магнитофон, загнанный в угол стола, жалобно играл песню «История любви».

– Какая прелесть, – меланхолично сказал Коммуникатор, отрывая голову от потёртой клеёнки.

– Давайте работать, – простонал Генератор.

– Опять – быстренько-быстренько? – ядовито осведомился Скептик. – Уже один раз попробовали, целых два листа набредили.

– А хорошо получилось, не правда ли, товарищи, – мечтательно сказал Генератор, – модернистские приемы так и светят.

– "А хорошо получилось, не правда ли, товагищи, – мечтательно сказал Генератор, – модернистские приемы так и светят", – записал Скептик вечным пером китайской ручки. – Опять уклонизмом занимаемся, – сказал он.

– Дайте посмотреть-то, что хоть набредили, – произнёс Коммуникатор, беря два листка, исписанных мелким скептическим почерком.

– Ничего не выйдет, – Генератор вырвал из его рук листки и спрятал их в папку. – Это только отвлекает. Давайте работать!

И пока Скептик с Генератором записывали всё предыдущее, Коммуникатор со скучающим видом пускал к потолку дымные кольца. Он явно и безнадежно закурился.

– "Я шагнул в прихожую и зажёл свет. На полу лежал Олаф Андварафорс. Он был явно и безнадежно мёртв", – процитировал на память отрывок из известного произведения Генератор.

– Братцы! – возопил Коммуникатор. – Давайте бросим эту ерунду и напишем что-нибудь серьёзное! Вечно нас заносит куда-то не туда. Уже два начала загубили.

– Давайте тогда над Стасом поработаем, – ехидно предложил Скептик. – Как-никак новый роман.

– У меня есть мощная идея насчет структуры произведения, – устремив в окно горящий взор, сказал Генератор.

А там, за окном, в чёрной безликой бездне, разметав на тысячи парсеков свои звёздные рукава, медленно вращалась Галактика. Он смотрел за окно и видел, как из раскалённого пульсирующего ядра выплескивались гигантские потоки вырожденного дозвёздного вещества и тут же застывали, соприкасаясь с ледяным дыханием Вселенной. И на это нельзя было смотреть без содрогания, этого нельзя было понять и от этого мутило.

– Да-а, классно бредишь, – сказал Скептик, поставил точку и, посмотрев в окно, увидел ряд светящихся за деревьями окон на здании детского сада.

Коммуникатор тоже было хотел посмотреть в окно, но перед ним мигом задёрнули шторы, однако он успел заметить... Впрочем то, что он успел заметить, он решил держать при себе.

– Господа, может, всё-таки вернёмся к Стасу? – спросил Коммуникатор.

– Ближе к телу, – донеслось из дымного облака над местом, где обычно располагался Скептик.

– Товарищи, ну нельзя же так, – сказал Коммуникатор. – Давайте вспомним нашу идею. Во Вселенной существует только одна тенденция...

– Хватит трепаться, и так известно, что одна.

– А может, две или даже три, – вставил Скептик.

– Я точно знаю, что четыре, – расставил точки над «и» Генератор. – Это тебе не хухры-мухры, двадцатый век.

– Ладно, ближе к телу. Что там у нас насчет структуры?

– Заколебали вы меня с этой структурой, – сказал Генератор. – Раньше я вам хотел сказать, а теперь ничего не скажу. Выпутывайтесь сами. Посидите, потрепите, а я послушаю.

Тут слово взял Коммуникатор:

– Ну, ладно, хватит заниматься ерундой. Пишите, сударь, пишите...

Голос за кадром: «И он выдал кусок из Стаса».

"Отдающая ржавчиной пыль скрипела на зубах. Было жарко и душно, и хотелось уткнуться во что-нибудь холодное или забраться в холодильник.

Стас, с трудом передвигая ноги, тащился по дороге. Неудобные, с чужой ноги, сапоги натёрли огромные мозоли, и каждое движение причиняло сильную боль. Проклинаая всё на свете, он продолжал шаг за шагом продвигаться по направлению к поселению.

Солнце палило немилосердно, раскалённый ветер гонял по дороге маленькие смерчи, и горизонт тонул в колеблющемся марева. Голая плоская, как стол, равнина сливалась с небом, и казалось, что дороге не будет конца. В вышине плавно описывала круги какая-то птица, в придорожной пожухлой траве стрекотали насекомые."

В то время, как Коммуникатор, нервно ходя по комнате, диктовал срывающимся от волнения голосом, стол окутало сизое облако табачного дыма, из которого доносились следующие звуки, как-то: скрип пера вечной китайской ручки и возгласы типа: «Ну, дает!», «В этом что-то есть!», «Да-а-а».

Но тут в Коммуникаторе что-то сломалось, и он потерял мысль, но двое остальных не дремали; с ходу подхватив её, они продолжили:

"Неожиданно Стас услышал нарастающий шум мотора и, оглянувшись, увидел, что его нагоняет огромный оставляющий за собой длинный шлейф пыли грузовик. Стас отошёл на обочину и поднял руку, но грузовик, не сбавляя хода, пронёсся мимо, обдав его облаком пыли и вонючего бензинового дыма. Кашляя, чихая и помяная нехорошими словами такую жизнь, Стас снова выбрался на дорогу и снова потащился вперёд, чувствуя, что если он в течение часа не доберётся до какого-нибудь жилья, где можно будет утолить жажду, то скоро его почерневший, замумифицированный труп найдут в придорожной канаве и, возможно, даже доставят в город на предмет опознания."

– Нет, господа, так продолжаться больше не может, – сказал Коммуникатор и на его зубах скрипнула отдающая ржавчиной пыль. Ему было жарко и душно и хотелось уткнуться лицом во что-нибудь холодное или забраться в холодильник.

– Пить... – прохрипел он. – Ради бога, дайте мне воды.

– Вода в унитазе кончилась, – ядовито откликнулся Генератор.

Коммуникатор безнадежно уронил голову на руки и не заметил, как позади него проклинающий всё на свете Стас, наконец, вышел к жилью и теперь жадно глотал воду из запотевшего стакана.

У Коммуникатора уже было начался переходный возраст из этого мира в тот, когда подали чай, разогнавший стынущую в жилах кровь Тройки.

– Пустим же влагу небесную по периферии телесной, – воспрянув духом, провозгласил Коммуникатор.

И влага потекла. Она обтекала грудь Стаса и кружилась у него за спиной небольшими водоворотами. И, чтобы двигаться в этом бурном потоке, Стас был вынужден наваливаться на него всем своим телом, держа автомат над головой. «Чёрт бы побрал этих водохлёбов», – думал он, отплеываясь.

Коммуникатор выплюнул последнюю чайную ложку и, потянувшись, сказал:

– Хватит чай гонять, пора за работу браться. Надоел мне этот Стас, давайте займёмся чем-нибудь другим. У нас же были другие идеи.

– Можно, – протянул Скептик.

А в это время за их спинами Стас пускал последние пузыри, но никто не подал ему руки. Тройка развивала ДРУГИЕ идеи.

Голос за кадром: «И они написали маразм следующего содержания».

«Как нам известно, человек – венец творения».

И вот в один прекрасный день на всей Земле остался один-единственный человек, Венец, так сказать. Впрочем, на других планетах тоже осталось по одному Венцу. И однажды, не мудрствуя лукаво, эти Венцы вступили друг с другом в связь... телепатическую. И по прошествии некоторого времени они дообщались до того, что все, за исключением одного, вымерли, но это в данной области пространства. Кстати, в других областях эволюция тоже не дремала...

Процесс нарастал лавинообразно и вскоре появился один Венец творе-

ния – ГОСПОДЬ БОГ.

Господь сидел в центре Вселенной и чувствовал себя очень одиноким и чем-то даже обделённым. Единственное, что его развлекало, – это наблюдение за поведением трёх неугомонных индивидуумов, корпящих над бумагой в тесной прокуренной комнате. Но поскольку индивидуумы постоянно грызлись, как пауки в банке, то Господу это надоело, и он обратил и свой взор на созерцание небесной тверди, одновременно внимая музыке хрустальных сфер. Ни к селу ни к городу ему вспомнилось забытое выражение: "Дорогой хрусталь, шаркая о стену, издает дешёвый звук..." Аминь!"

– Ну-у, товарищи, опять нас классически пронесло, – заныл Скептик.

– Да-а, этот рассказ мы явно не опубликуем, – поддержал его Коммуникатор.

– Будь спок. Всё будет о'кей, – оптимистично пророкотал Генератор, но как оказалось вхолостую, так как немедленно последовало идиотское замечание Скептика:

– Как же – как же, наслышаны.

– Господа, может пора кончать с этим рассказом? – спросил Коммуникатор.

– Сейчас закончим, вот только штаны подтяну, – немедленно сказал Генератор.

– Как только так сразу...

– Действительно, надо кончать, а то затянулся наш рассказ, – опять проныл Коммуникатор.

– Кстати, как только ты это сказал, мне сразу вспомнилось интересное выражение: "Пошла бабка на базар покупать мочало, эта сказка хороша, начинай сначала".

И они, стиснув зубы, на которых скрипела отдающая ржавчиной пыль, собрали всё своё мужество и выдержку в кулак и начали сначала:

"Их было трое..."

8–9.11.1981 г.

Братья Ивановы

К О Н Т А К Т

Научно-фантастическая повесть

Новокузнецк

1979 г.

К О Н Т А К Т

Повесть о ШЕФЕ

Часть первая

Не задавайте нам вопрос почему это так, а не иначе. Детский вопрос "Почему?" можно задавать безнаказанно лишь до известного возраста.

Просто невозможно лгать, если не знаешь всей правды, кроме того, бывают времена, когда эзопов язык становится самым распространённым.

Если у человека спадает повязка с глаз, важно, чтобы она не закрыла ему рот.

Глава I

Молодой человек с университетским значком на лацкане потёртого дешёвого пиджака переложил в левую руку обшарпанную дерматиновую папку и робко постучал в дверь, обитую крокодиловой кожей. Дверь хранила гробовое молчание. Молодой человек ещё раз взглянул на золотую табличку с выгравированной надписью "ППИ" и, набравшись наглости, толкнул дверь. Он явственно услышал скрип поворачивающихся голов. В углу под большим пыльным фикусом что-то тихонько посвистывало, на стенах висели загаженные мухами портреты. Ушастый лысый человек, сидевший на председательском месте, прокашлявшись, изрёк:

– Ну-с, мол'чек. Что вам здесь надо? Вас, кажется, никто не приглашал. Выйдите. Вас позовут, когда возникнет надобность.

Красные пятна пошли у молодого человека по лицу.

– Но позвольте... – начал он.

Ему показалось, что равнодушные, мутные взгляды из-под запылённых лысин прямо-таки физически выталкивали его из кабинета. Молодой человек было дёрнулся к двери, но вдруг, вспомнив что-то, судорожно полез во внутренний карман.

– Очистите... – прошелестело с места, где должен был сидеть председатель. Но молодой человек на негнущихся ногах подошёл к столу и трясущейся рукой протянул внушительный пакет официального вида. Сидевший на месте председателя медленно перевёл бессмысленный взгляд на большую сургучную печать посреди конверта. В лице его что-то дрогнуло.

– Да это же... – начал он.

– Да, да, да...

– Конечно...

– Похоже... – поддержали его все присутствующие.

– Ну, что же вы раньше молчали, не хорошо-с, не хорошо-с, – мягко пожурила ушастая лысина.

– Мы вас слушаем.

– Да, да, просим вас.

Широкая ладонь звучно припечатала конверт к покрытой пыльным зелёным сукном поверхности стола.

– Ну, вот что, – решительно сказал молодой человек. – Шутки в сторону. Командовать парадом буду я. Пора разогнать эту атмосферу, пропитанную затхлым бюрократизмом,

Лицо человека, сидевшего на месте председателя, приобрело цвет свежесваренной поганки, он съёжился и юркнул под стол. В углу под фикусом что-то завозилось.

– Молчать! – рявкнул молодой человек.

Со стен посыпалась извёстка вперемешку с портретами. В углу пискнуло и затихло. Все с ужасом наблюдали за метаморфозами молодого человека. Мощным рывком тот бросил своё тело через стол в кресло председателя.

– Ты, ты и ты, – ткнул пальцем Бывший Молодой Человек, – немедленно раздвинуть шторы и открыть окна. Вы у меня узнаете, чем пахнет свежий воздух.

Шторы были моментально сорваны и растоптаны, рамы со стёклами зазвенели на мостовой. В кабинете поднялась буря. Подхваченные смерчем присутствующие стали медленно подниматься на воздух. Лишь новоиспечённый председатель сидел за столом, неподвижный, как скала.

– Шеф! – догадался завопить кто-то. – Остановите это!

– Прекратить! – недовольно буркнул Шеф, и бури как не бывало. Присутствующие на четвереньках расползлись по местам.

– Заседание продолжается, – объявил Шеф.

Он запустил руку под стол. Создалась небольшая заминка.

– Быстро, – процедил сквозь зубы Шеф, пнул что-то и вынул ключи.

– Посмотрим, что у Меня в сейфе, – сказал он, направляясь в дальний угол. К столу он вернулся с большой кипой казённых бумаг. Мельком просматривая листы, он заодно освобождал их от ненужного хлама. Закончив, Шеф сунул несколько листов в свою потёртую папку и запер её в девственно пустом сейфе.

– Итак, продолжим заседание, но уже без этого, – промолвил он, пнув что-то под столом. Все последовали его примеру. Волна пинков прокатилась из конца в конец. Под столом что-то жалобно заскулило.

– Отставить, – казарменным голосом скомандовал Шеф, занеся ногу. Звуки прекратились.

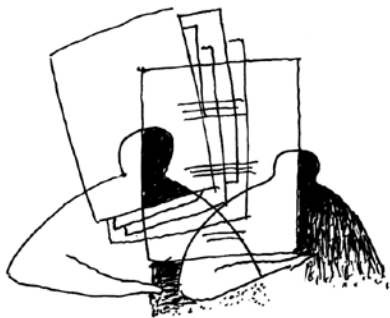
– Нас, кажется, прервали. СОВЕТУЮ занести эту злобную антиобщественную выходку в протокол и ответить на неё всеобщим презрением. Кто ведёт протокол?

На пыльных лысинах присутствующих вперемешку с гусиной кожей выступил холодный липкий пот. Никто не посмел вытащить платок. Стояла кладбищенская тишина. Лицо Шефа странно исказилось: резко выделались надбровные дуги, лоб сузился, в глазах вспыхнул зверский блеск, челюсть выпятилась вперёд и взору присутствующих открылись острые жёлтые клыки. В нём явственно проступили черты питекантропа. Присутствующим пока ещё не суждено было знать, что это на миг приоткрылась истинная сущность Шефа.

– Я повторяю вопрос: КТО ведёт протокол? – пролаял Шеф.

Стены содрогнулись от дружного крика "Я"! Лес рук взметнулся над головами.

– Ты, – сказал Шеф, взмахивая рукой и попадая счастливицу прямо в глаз. Вдох желчной зависти и готовности сделать любую подлость пронёсся вдоль стола. Счастливчик преданно глядел на Шефа заплывающим глазом.

– Первый вопрос, который мне с вами предстоит обсудить...

Кто-то неосторожно заскрипел стулом. По лицу Шефа проползло красное пятно. Несчастный обречённо затаился. Шеф, не сводя тяжёлого взгляда с отщепенца, продолжил:

– ...состоит в том, чтобы провести количественную, качественную, функционально-региональную пе-

рестройку отделов, подразделов и ведомств, а также управляющего аппарата моего ППИ. Посему я предлагаю, слышите, ПРЕДЛАГАЮ закупить семь... восемь арифмометров «Феликс»... за ваш счёт.

– А может быть... – попытался вякнуть кто-то.

– А тебя не спрашивают, – резко оборвал Шеф. – Переходим к следующему вопросу. Насколько мне известно, в массах ощущается острый дефицит моих портретов. Следует немедленно начать сбор средств для обеспечения масс оными.

Раздались жидкие хлопки.

– Гм, – сказал Шеф.

Хлопки перешли в бурную продолжительную овацию. Улыбка питекантропа, только что размозжившего череп соплеменнику, неясно блуждала по его устам.

Уже давно все присутствующие стали замечать странные изменения с одеждой Шефа. Потрёпанный, лоснившийся пиджачок, мешком свисавший с его плеч, постепенно превращался в первоклассный тёмно-синий вицмундир с золотыми пуговицами, а потемневший университетский значок всё больше и больше походил на медаль "За помощь на водах".

– А теперь на повестке дня третий и совершенно секретный вопрос. Перед тем, как все покинут помещение, ПРОШУ присутствующих поднять правую руку.

Все подняли.

– Принято единогласно, все свободны, – изрёк Шеф.

Все находились в оцепенении.

– Я сказал: ВСЕ свободны!!!

Стулья ещё находились в состоянии свободного падения, как у двери образовалась свалка. Дверь с хрустом сорвалась с петель. Рассуждать было некогда. Чтобы не погибнуть под ногами ревушей толпы, один из присутствующих был вынужден бежать, держа перед собой дверь на вытянутых руках.

– Держи вора! – истошно завопил Шеф. – Он украл казённое имущество!

Толпа, остервенело улюлюкая, рванулась по коридору. Тяжёлый топот сотряс стены.

– Бей его! – взвизгнул кто-то.

В спину беглецу полетели авторучки и записные книжки. Кто-то кинул микрокалькулятор, угодивший преследуемому в голову, но тот, не оглядываясь, лишь прибавил ходу. Оглядываться было некогда. За отступником не оставалось ни одного целого плафона, осколки стекла сыпались на головы и за шиворот разъярённым преследователям.

Шеф, наблюдавший за ходом погони из своего кабинета, не спеша вынул из ящика стола складную автоматическую винтовку. Первый выстрел вдребезги разнёс окно в конце коридора.

– Ничего, – сосредоточенно промышчал Шеф (смещая прицел ниже), – на ошибках учатся, – и попал в чью-то голову.

Преследуемый, отчаянно размахивая дверью, свернул налево, толпа по инерции пролетела направо. Через несколько секунд загнанный беглец и толпа столкнулись в конце коридора. Коридор содрогнулся.

– Пощадите! – раздался нечеловеческий, полный ужаса крик.

Толпа вопросительно всколыхнулась. Шеф, жестом римского патриция, опустил вниз большой палец. Дверь начала равномерно подниматься и опускаться над головами. Сладостный звук глухих ударов достиг ушей Шефа.

– Раз, два, три... двадцать, – что-то пиная под столом и сосредоточенно потирая руки, считал он.

– Ну, ещё разок – и довольно, он мне нужен живым, – зевнув, протянул Шеф.

Дверь застыла в воздухе.

– Я же сказал, ещё разок! – брови Шефа гневно сошлись.

Послышался звук, издаваемый отбивной под ударами молотка. Присутствующие расступились. Что-то синее и бесформенное, отдаленно напоминающее служащего, волоча за собой дверь и преданно постанывая,

подползло к ногам Шефа. Шеф добродушно усмехнулся и благосклонно проронил:

– Три дня отгула, – он помолчал. – А убытки я вычту из зарплаты. Кстати, тот, что лежит в коридоре, тоже на вашей совести. Заседание окончено. Завтра в то же время.

Глава 2

Наступило великолепное солнечное утро следующего дня. Шеф важно шефствовал по красной ковровой дорожке посреди коридора. Услаждающие слух шелчки и жужжание новых арифмометров «Феликс» доносились из-за дверей. Вдруг шеф почувствовал неосознанное желание. Мгновенно из-за ближайшей двери протянулась чья-

то рука, держащая распечатанную пачку дорогих импортных сигарет. Из двери напротив вынырнула зажигалка "Ронсон". Шеф небрежно принял подношения. За дверями, мимо которых Он проходил, кто-то подобострастно шептал:

– Шеф, Шеф, Ше-е-е-е-фф...

Он принимал это как должное. Подойдя к кабинету, шеф равнодушно открыл покрытую тончайшей резьбой дверь из красного дерева, орнаментом которой служило лишь одно слово – "ШЕФ". Утопая по щиколотку в уникальном персидском ковре, он подошёл к надувному креслу, являвшему собой последний стон моды, и плюхнулся в него. Привычным движением руки включив озонаторы, вентиляторы и кондиционеры, Шеф придвинул к себе микрофон селектора. На пульте замигали лампочки готовности всех отделов внимать ему. Мембраны настенных репродукторов по всему ППИ судорожно прохрипели:

– Всем в зал!

Молниеносность манёвра, последовавшего за этим извещением, напоминала аврал на тонущем корабле. Все рванулись в коридор, раздался сухой треск сталкивающихся лбов. Охваченные стремлением прийти первыми, служащие с пеной у рта скакали по лестницам, перепрыгивая через головы конкурентов. В углу кого-то били головой о стену, кирпич трескался и крошился. Вдруг раздался дикий вопль, перекрывший шум толпы: кто-то, хватая руками воздух, сорвался в лестничный пролёт. Снизу донёсся чавкающий звук. Центр людского циклона стремительно сместился к дверям зала. На лестнице остались чьи-то зубы, пенсне и приставные воротнички.

Любимчиков фортуны, первыми ворвавшихся в зал, встретила очередь из крупнокалиберного шестиствольного пулемёта, просвистевшая над

головами. Со стен посыпались кирпичи. Толпа замерла, а затем на цыпочках все прошли в зал. Служащие построились в ровные шеренги. По сцене решительно прошёл Шеф и взошёл на трибуну. Из-за голенища его правого сапога выглядывала инкрустированная рукоятка кнута.

– На первый-шестой рассчитайсь! – скомандовал Шеф.

– 1, 2, 3, 4, 5, 6, – загремело по залу.

– Шестые, шаг вперёд! – гавкнул репродуктор. – На прополку приусадебного участка нашего любимого и обожаемого Шефа, шаго-ом арш!

Добрая половина зала опустела. Шеф поднёс ко рту мегафон и сказал:

– А сейчас мы посмотрим фильм на общественно-политические темы.

В зале погас свет и застрекотал кинопроектор. На молочно-белом экране зажглась красная надпись "Шеф – наш идеал". Раздались звуки браваурной музыки и хорошо поставленный дикторский голос внушительно произнёс:

– Недавно состоялась встреча Шефа с представителями смежных предприятий.

На экране появился Шеф в ореоле неясных теней. Что-то пожимая, кого-то обнимая и целуя, он неизменно сохранял на лице благожелательную улыбку.

– По случаю международного года ребенка, – продолжал голос, – Шеф посетил детский дом.

На экране вновь был Шеф. Он не спеша шёл вдоль строя детей, небрежно похлопывая их по пухлым щёчкам и раздавая им леденцы. Эпизод закончился под дружные детские крики: "Да здравствует "Шеф!" Диктор продолжил:

– На днях состоялось торжественное открытие бронзового бюста Шефа.

Опало белое покрывало. И снова на экране, на фоне неподвижного сияющего под солнцем бронзового Шефа, пожимал руки, кого-то обнимал и расточал улыбки Шеф настоящий. Фильм кончился, зажётся свет. Несколько человек, брызгая слюной, бились на полу.

– Слава Шефу! Он подобен солнцу! – восторженно крикнул кто-то.

– НЕТ! Это солнце подобно ШЕФУ! – взревела толпа.

Шеф простёр руку над безликими рядами служащих. Всё стихло. И он начал:

– В наш век технического прогресса, когда каждый мыслящий индивидуум стремится популяризовать свои знания, а пресса лаконично излагает факты, бросая ретроспективный взгляд и подводя эмбриональную основу философского предиката, пусть даже способного абстрагированно мыслить, под непозволительную пока ещё ординарному субъекту точку зрения банальной эрудиции в областях повышающих потенциалов, где каждый критический индивидуум может игнорировать точку зрения экзистенциальных иллюзий...

После непродолжительного четырёхчасового доклада, от которого все

были в восторге, Шеф подвёл итог:

– Исходя из вышесказанного и обращаясь к нижеследующему, я не ошибусь, если скажу, что, подводя конъюнктивную основу, ортогональный субъект не будет являться доминирующей субстанцией в комплексе таких ощущений. Таким образом, мы делаем вывод, что это дело принесёт неисчислимые прибыли моему ППИ. И поэтому я СОВЕТУЮ, – стены задрожали, – приступить к нему немедленно.

С этого начинался грандиозный проект под кодовым названием "К О Н Т А К Т", которому было суждено осуществить вековую мечту всего человечества и поднять мировую науку на качественно новую ступень.

Глава 3

Уже 17 месяцев весь мир не видел солнца по той простой причине, что солнце было подобно Шефу, а Шеф в течение всего этого времени находился в жуткой меланхолии.

Сооружение гигантского радиотелескопа на геоцентрической орбите шло небывалыми темпами и близилось к финалу. Однако Шефу этого было мало. В своих директивах и приказах он постоянно кого-то снимал, выгоняя без выходного пособия, лишал премии и зарплаты, выставлял на вид и бросал на низ. И только его любимчикам удавалось сколько-нибудь длительное время удерживаться на своих местах без вредных для себя последствий.

В это же время на одном из тихих и ничем не примечательных пустырей развернулись подготовительные работы, значащиеся в проекте с 5 по 10 параграф. Данные параграфы являли собой одну из основных частей ПРОЕКТА и постоянно контролировались лично Шефом.

Пуск всех объектов намечалось приурочить к Дню Ангела Шефа, до которого оставалось всего десять дней. Все служащие интенсивно готовились к этому знаменательному событию: выпускались стенгазеты и боевые листки о ходе подготовки, закупались подарки и дорогие вина для грандиозного банкета, стены во всем ППИ были заклеены портретами Шефа, царил предпраздничная обстановка.

И лишь одна тёмная личность в ППИ замышляла жестоко отомстить этому выскочке, этому бывшему молодому человеку, столь нагло узурпировавшему власть и согнавшему его с тёплого и насиженного места. Его, человека, сидевшего в кресле председателя, а ныне пребывающего под столом и вынужденного питаться только чернилами и бумагой.

– Моя месть будет особенно жестокой и изощрённой, – мрачно размышлял он, сидя под столом, – если всё удастся, то этому наглецу уже никогда не оправиться от удара, который дискредитирует его в глазах присутствующих. С пресловутым Шефом будет покончено, и я опять смогу занять по праву принадлежащее мне место, и уж тогда...

Шли дни. Приближалось торжество. На ответственных объектах устанавливались барьеры с красной ленточкой, лучшие ювелиры создавали

церемониальные ножницы, каждые из которых были подлинными произведениями искусства.

Солнце стало изредка появляться на небе.

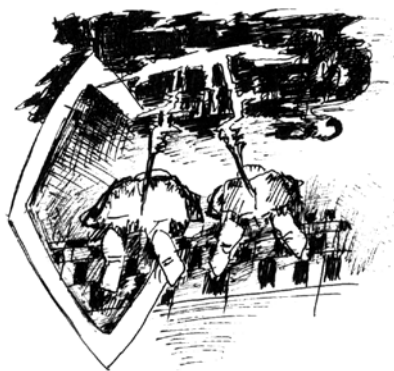
И вот десять дней истекли.

Глава 4

Первый луч утреннего солнца проник в окно. Шторы автоматически захлопнулись. Во мраке пустующего кабинета чья-то рука осторожно выбралась из-под стола и, коварно положив что-то на кресло Шефа, исчезла. Тихо зашелестела листва большого, развесистого фикуса. В кабинет, озираясь, вползли присутствующие и притаились на местах.

Вошёл САМ. Впечатывая тяжёлые кованые сапоги в пыльный персидский ковёр, он приблизился к креслу и солидно погрузился в него. Раздалось подрывающее субординацию и разлагающе действующее на массы шипение. Кресло Шефа медленно морщилось и опадало. Однако несокрушимый Шеф, не уронив своего достоинства, остался в прежней позе. Выждав несколько томительных для присутствующих секунд, он поднялся из-за стола. Над его челом появилось бело-голубое сияние, запахло озоном. Тучи сгущались над горизонтом, кабинет погрузился во мрак, и лишь на острых углах мебели плясали огни Святого Эльма. Мелко затрясся и ошетинился ковёр. Какой-то несчастный приобрёл нежно-зелёный цвет, глаза его выкатились из орбит, в них проявились склеротические жилки, на висках вздулись синие вены. Сдавленное: "А-а-пч-хи" всё ещё звучало в кабинете, как все присутствующие, чтобы не быть сражёнными миллионвольтными разрядами, бухнулись на пол, подняв громоотводы.

И грянул гром.

Ветвистая молния вонзилась в громоотводы сотрудников. Разразился катаклизм. Девятый вал уже скалил свои хищные клыки. Начался великий потоп. Волны смыкались над головами. Оглушённые, полуслепшие, раздавленные, растерзанные, размазанные по ковру, они захлёбывались и шли ко дну. Избавление пришло откуда не ждали: а именно из-под стола.

– Хи-хи-хикс, – донеслось отту-

да.

– Гм-м, – бешено сверкая глазами и расшвыривая молнии, проклякотал Шеф.

Присутствующие, опустив громоотводы и собрав разлагающиеся останки, метнулись под стол. Началось линчевание. Эта процедура была проведена быстро, чётко и со знанием дела. Тело, вымазанное канцеляр-

ским клеем и вывалянное в клочках бумаги, вынесли из кабинета.

Яркий луч солнца пробился сквозь щели в шторах. С улицы доносился шум ликующей толпы, которая торжествовала выдающуюся победу Шефа над происками тёмных сил реакции. Для устранения и искоренения сомнений в массах, вредитель был вывешен на балконе. Инцидент был исчерпан.

– Можно начинать банкет, – провозгласил Шеф.

Загремели фанфары, вспыхнули прожектора. Лязгнули и открылись огромные, окованные бронзой двери зала.

Избранные, приниженно извиваясь и испуганно прижимая к себе "Инструкцию по соблюдению этикета в общественных местах в присутствии Шефа, имеющую целью предписать правила поведения для сотрудников ППИ", с нехорошим предчувствием засеменили в зал. Их пропустили через овал индуктора на предмет обнаружения и конфискации холодного, а так же огнестрельного оружия. Маленькое недоразумение с авторучкой, принятой за шариковую бомбу, было быстро замято, однако подозреваемого почему-то после этого больше никто никогда не видел.

Началась торжественная часть. Шеф сделал жест хлебосольного хозяина и сказал:

– Смелее, смелее.

Состоялась церемония вручения подарков. Согласно инвентарной описи Шефу вручили:

1. Портсигаров золотых – 11 (одиннадцать) штук.
2. Отрезов кримпленовых – 8 (восемь) штук.
3. Чернильниц (типа "Непроливайка") с бриллиантами – 7 (семь) штук.
4. Счеты, конторские (слоновой кости) – 4 (четыре) штуки.
5. Гроссбухов (в сафьяновом переплёте с золотым тиснением) – 2 (две) штуки.
6. Чек на 1000 долларов (в конверте) – 1 штука.
7. Коньяк французский – 1 ящик.
8. Сейф (запираемо-неоткрывающийся) – 1 штука.
9. Собачка комнатная, декоративная (порода – карликовый пинчер) – 1 штука.

Шеф оценивающе взвесил портсигар золотой, потрогал отрез кримпленовый, дунул в чернильницу типа "Непроливайка", звонко щелкнул счётами конторскими, послунив палец, перелистал гроссбух, прикуруил от чека на 1000 долларов, раздавил бутылку коньяка французского, почесал за ухом у собачки комнатной, декоративной и позволил пройти к столу.

Перед введением пыщци (как любит говорить Шеф), появились служители культа и, закулив опиум народа, гнусавыми голосами затянули псалом о вреде алкоголизма. Вперед выступил архиепископ с красным носом под маленькими пороссячьими глазками: выставив перед собой огромное колыхающееся брюхо, он распахнул пасть, поднатужился и взревел:

– ...Шефу благодетелюиспасителю,покровителюиучителю нашему, Вечная Сла-а-ава!!!АМИ-ИНЬ!

Все воскликнули: "АМИНЬ!" – и набросились на еду. Затрещали раздираемые туши, зазвенел хрусталь, пугающе задвигались уши, стало жарко.

Кто-то, роняя слюни на манишку, на секунду оторвавшись от блюда, затравленно скосил глаза в миску соседа и, увидев, что там больше, рванул её к себе. Сосед отчаянно схватил тарелку обеими лапками, но, видя тщетность борьбы, с воплем: "На, жри, скотина!" – выплеснул содержимое в лицо обидчику.

Запахло генеральной дракой. Из-за соусников выдвинулись ножи и вилки. Сказывалась напряжённая обстановка последних дней. Поигрывая рельефными бицепсами, медленно поднялся из-за стола начальник планового отдела, напротив, – шеveled тяжёлой квадратной челюстью, встал начальник финансового отдела. Тощие волосатые кадыки жадно вытянулись из приставных воротничков. Хрустнула перекушенная ложка.

Визг собачки комнатной, декоративной, значившейся в описи под номером 9, прозвучал как сигнал к бою.

Начальник финансового отдела, вытащив микрокалькулятор, подсчитал вероятность своей победы, она была равна нулю.

– Гвардия умирает, но не сдаётся! – пронёсся клич над рядами финансов.

Клики скрестились.

Всколыхнулись знамёна, громыхнули латы, заржали кони, ухнула тяжёлая артиллерия: началась сеча.

– Да здравствует Шеф!!! – прогремели девиз финотдельцы.

– За любимого Шефа!!! – не остались в долгу плановики.

Вороньё с карканьем поднялось над полем битвы. Финансисты в срочном порядке возводили линии обороны, строя редуты и укрепляя траншеи.

Железные легионы плановиков свиной вклинились в финансовые флеш.

В центре зала, задыхаясь и обливаясь потом, преодолевая ожирение и геморрой, ожесточённо рубились на столовых ножах предводители.

Но тут фортуна, очевидно для того, чтобы все смогли оценить её фигуру, повернулась к начальнику планового отдела спиной, тот загляделся, поскользнулся и упал. Финансисты, обретя надежду, ринулись в атаку, тесня противника.

Неожиданно плановики нанесли контрудар.

Гремя огнём, сверкая блеском стали, на старых конторских счетах из-под стола выкатились отборные моторизованные резервы.

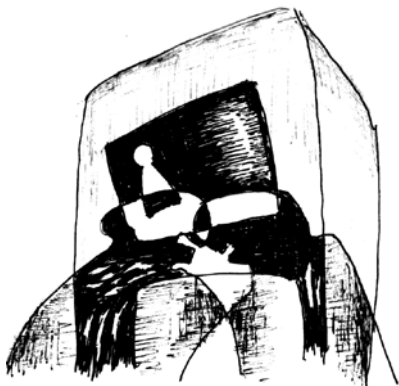
Жалкие попытки отбиться арифмометрами были задавлены в зародыше. Началась паника и избивание поверженных полчищ. Офицеры с пистолетами в руках, бегая среди отступающих, кричали:

– Ни шагу назад! За серединой зала для нас земли нет!

Кто-то, не выдержав, забился и заорал:

– Невиноватый я!

Другой избранный, забравшись на стол, с наслаждением плевал в большую кастрюлю с супом. Какой-то тип, ползая под столом, методично втыкал вилки в филейные части присутствующих.

Шеф благосклонно взирал на всё это с высоты своего положения, смачно обсасывая стройные ножки молоденькой курочки.

– Представление окончено, – сказал Шеф. – Всем оставшимся в живых – на объекты.

Зал мгновенно опустел. Из кастрюли с супом торчали чьи-то ноги. Кровавая заря всходила над полем...

Отбросив в сторону замусоленный слюнявчик, сладко потянувшись и вытерев о штаны сальные руки, Шеф поднялся, и, ковыряя в зубах, не спеша направился в дальний угол зала. Там он отдернул тяжёлую портьеру и приблизился к красной ленточке, преграждавшей путь к заветной кнопке на массивном постаменте. Пробыл исторический час, и золотые ножницы хищно впились в шёлковую ленту.

Шаг, ещё шаг. Сейсмографы всего мира отметили два небольших толчка. Шеф поднял руку, в центре Тихого океана зародился тайфун, позднее названный "Агата-2". Тяжёлая длань начала надвигаться на кнопку. Пятнадцать дюймов – в Антарктиде стали таять льды, десять – в Сахаре хлынул тропический ливень, пять – всплыла Атлантида, один – на Солнце возник грандиозный протуберанец.

Палец прикоснулся к кнопке.

На освещённом злобным торжеством лице Шефа возникла его истинная сущность.

Кнопка неумолимо вдавилась в постамент.

С гигантского радиотелескопа на геоцентрической орбите понеслись в космос постоянно повторяющиеся и ни на минуту не затихающие сигналы: "БРАТЬЯ ПО РАЗУМУ! ОТКЛИКНИТЕСЬ!" и координаты Земли, определённые по ближайшим пульсарам.

Часть вторая

Глава 1

Шли годы. Свежий ветер перемен гулял по ППИ, залетая в кабинеты служащих, шелестя старыми бланками и отчётами, раскиданными по углам, хлопая рамами и тихо подвывая в телефонных трубках, лежавших в мусорных корзинах, и только кабинет Шефа оставался для него недосягаемым. Трещали новые вычислители "Исудзу". Огромные важные прусаки с неподражаемым чувством собственного достоинства слонялись по коридорам.

Начальник финотдела, зализав свои раны, посвящал всё своё свободное время селекции и генной инженерии, направленной на выведение нового отборного вида Цимекс Лектулария, питавшего особое пристрастие к крови сотрудников планового отдела. Его часто видели у дверей плановиков, где он широким жестом сеятеля разбрасывал плоды своего досуга. Противники, в свою очередь, не растерявшись, под чутким руководством их микрошефа, также занялись биологией и вывели специальный устойчивый вид цыплят, питающихся исключительно новым гибридом Цимекс Лектулария. Страсти накалялись. Начальник финотдела стал посвящать своему невинному увлечению часть рабочего времени, которое ранее пропадало у него даром. И в один из тёплых летних вечеров он, выскочив из кабинета, рванул на себе воротник и, просипев, задыхаясь: "Эврика!", выбросился из окна. Первого этажа. На следующий день по ППИ победоносными армадами поползли закованные в хитин новые, особо устойчивые мутанты, способные к самоусовершенствованию. Плановики, стиснув зубы, засели за микроскопы...

Борьба вступила в новую фазу. Прогресс шёл семимильными шагами. Мутации следовали одна за другой. Цены на тяжёлые виды вооружения подскочили до астрономических величин. В моду вошли пуленепробиваемые жилеты, средневековые доспехи, а также маски с бронированным стеклом. Передвижение по коридорам и кулуарам ППИ стало возможным только большими и хорошо вооружёнными группами. Ходили слухи, что в одном из отдалённых уголков вот уже около месяца выдерживает осаду отрезанная от всего мира метрологическая лаборатория. Уже неделя, как прервалась с ней всякая связь. Отчаянные попытки спасти её закончились полным провалом. Последнее сообщение, полученное оттуда, оканчивалось словами: "Метрологи умирают, но не сдаются! Да здравствует Шеф!" Во избежание дальнейших осложнений коридор в этом направлении был забросан гранатами и вакуумными бомбами. По ППИ объявили минуту молчания.

...Каждые двенадцать часов вывешивались сводки о потерях, новых мутациях и моральном состоянии на переднем крае.

Одна из сводок сообщала: "Появились новые виды Цимекс Лектулариа, особо способные к мимикрии. Маскируются под стены, радиаторы отопления, бытовые и научные приборы, и, по последним сведениям, под сотрудников ППИ. Новый вид цыплят, снабжённый броневойными клювами, после непродолжительного, но ожесточённого сражения с применением огнемётов и ракет средней дальности, прорвался в курилку и, истребив гарнизон, продвигается по дымоходу..." Листовка заканчивалась призывом: "Сотрудники... будьте бдительны! Враг не дремлет! Победа будет за нами!"

В ППИ срочно формировались особые десантные бригады, сразу же после подготовки отправляющиеся в глубокие рейды по тылам противника, но, по неизвестным причинам, они не возвращались. Только одному счастливчику удалось в тяжёлых условиях канализации вернуться обратно. Сообщив ценные сведения о численности и расположении противника, он умер от потери крови на дорогом персидском ковре со словом "Шеф" на устах. Лично Шеф навечно вписал его имя золотыми буквами в список сотрудников ППИ.

Прошла неделя, неделя, озарённая пламенем напалма и вспышками выстрелов реактивной артиллерии. Шли бои местного значения.

В один прекрасный вечер, когда Шеф, по обыкновению с рюмкой коньяка и ломтиком лимона, отдыхал перед голубым экраном, на котором кто-то корчился в челюстях гигантского Цимекс Лектулариа, кто-то, извиваясь и кипя, горел в воющем пламени огнемёта, где чьи-то закованные в латы ноги свисали из клюва жёлтого пушистого цыпленка, в приёмной вдруг послышалась подозрительная возня.

– Прекратить сию же секунду, – спокойно сказал Шеф, не отрываясь от телевизора.

Но, как это было ни странно, звуки не прекратились. Затрещали двери красного дерева, и через несколько секунд сотрудники, почувствовав, что за ними никто не наблюдает, стали пробиваться к резиденции Шефа.

Там царил лёгкий беспорядок: были снесены двери и потолки, в стене зияло отверстие, своими очертаниями несколько напоминающее клопа. Шеф отсутствовал.

Несколько минут прошли в бесплодных исканиях, и сотрудники уже были готовы наложить на себя руки от горя, когда из сейфа, запираемого неоткрываемого, значившегося в описи под номером восемь, раздался грозный голос:

– Этого я больше терпеть не намерен, – сказал Сейф. – Придётся провести облаву. Всем в зал, на общее собрание!

Толкаясь и громяхая на ходу железом, пластиком и бронированным стеклом, в зал одна за другой вливались стальные шеренги сотрудников. Чётким маневром окружив себя кольцом огнемётов, они построились в несокрушимое каре. Репродукторы грянули боевой марш, и на сцену вывезли бронированный ящик с надписью "Шеф".

Неожиданно раздался ужасный треск, посыпались люминесцентные трубки, потолок треснул, сквозь ключья арматуры и куски бетона просунулась огромная волосатая куриная лапа. Она пошарила по сцене и, наткнувшись на единственный находившийся там предмет, скрылась с ним в проломе.

Вслед ей полетели авиабомбы и бутылки с горючей смесью. Очистительный огонь, под дикий вой сотрудников, ревущими струями вылетел из раскалённых жерл огнемётов и, оставляя на своем пути пылающие руины, яростно заплясал по сцене. Душистые хлопья сажи носились в воздухе, забивая вентиляционные отверстия. Дымились кирпичи, с ядовитым шипением вонзались в обугленный паркет капли расплавленного бронестекла, взрывались патроны, дико и страшно детонировали гранаты.

Но в это время, лязгая гусеницами по бетонному полу, на сцену выкатился, озаренный вспышками выстрелов, уже всем знакомый запираемо-неоткрываемый Сейф, значащийся в описи под номером восемь.

Сотрудники восторженно взвыли и, вытянувшись в струнку, вскинули для приветствия закованные в железо кулаки. Непобедимые дивизии Шефа в тысячи глоток грянули гимн ППИ:

Он осветил нам дорогу к свободе,
К звёздам нам путь указал,
Только при нём мы узнали о счастье,
Шеф нам о нём рассказал.

Гимн закончился словами на злободневную тему:

Бей супостата, громи супостата,
Новое солнце над миром грядёт.
Крепче сплотимся под знаменем Шефа –
Только под ним к нам победа придёт!

Выждав, пока стихнут последние звуки гимна, и небрежно простерев над толпой ручку сейфа, Шеф напыщенно произнёс:

– Учитесь! Можно выдержать любые удары судьбы, если подставлять под них чужую голову. Ну ничего, ничего. О мёртвых – ничего, кроме хорошего. Кстати, советую запомнить это выражение, оно вам пригодится. Но не будем отвлекаться – я собрал вас здесь не для того, чтобы изощряться в словоблудии. У нас есть животрепещущая тема, которая ползает по коридорам и нападает из-за углов... Пришёл час, когда все вы, стоящие здесь, перед лицом смерти должны сплотиться в единый железный кулак, яростно взметнуть его над головой и тяжёлым ударом сокрушить подлого и коварного недруга. Однако нельзя не принимать во внимание и ядовитую гидру внутреннего врага. Это с его молчаливого согласия творятся все те беззакония и беспорядки, началом которых послужило преступное пренебрежение буквой инструкции и духом техники безопасности. В моем последнем сборнике "Беседы и суждения" я уже упоминал об этом в одной из моих цитат, но вы, не удосужившись внять голосу разума, не

выучили их наизусть; и вот злонравия достойные плоды. Так что: не тронь лихо, пока спит тихо.

– Мы не потерпим самопокрывательства с одной стороны и очковтирательства с другой. Заклеймим позором, всеобщим презрением и выведем на чистую воду этих вырожденков от науки и извращенцев от информации. Мы не потерпим в наших рядах раскола, двуличия и двурушничества. Настало время и пришёл час всеобщей чистки рядов в моем ППИ.

– Когда дует ветер – шевелятся листья, когда спасают общество – не думают об отдельных личностях. Короче, кончай их, ребята!!!

С лязгом сомкнулись ряды, раздался крик, как будто раздавили кошку. На полу осталось двое расплющенных.

– Начальников финансового и планового отделов объявляю врагами народа – посмертно. Этому нас учит суровая действительность. Так будет с каждым, кто посягнет на и сделает отход от, – рукоятка Сейфа взметнулась над толпой.

Пять тысяч двести двадцать пять фанатичных глаз преданно взирали на матовую поверхность Сейфа. А голос всё плыл и плыл над головами в мареве дымного воздуха.

– Эти цыплята и клопы пошли вам на пользу, – сказал Шеф, и все почувствовали, как он благосклонно улыбается внутри сейфа. – Но они не понимают человеческого обращения. И это в полной мере доказывается их хулиганским поведением, проявленным в обращении с казённым имуществом. Нездоровая атмосфера мягкотелости, оппортунизма, сепаратизма, отсутствия чувства локтя, наличия ложного гуманизма и прочих измов, а также наличие отсутствия и отсутствие наличия присутствия среди присутствующих, в присутствии администрации, наличествующей в данном присутственном помещении... – Тут Шеф многозначительно замолк, перебарывая сказанное, и давая возможность перебарить его другим.

Немного подождав, он продолжил:

– Между прочим, это цитата. Советую вписать её на специально отведённые для этого страницы моего сборника.

Заскрипели вечные перья, забулькали непроливайки. Но тут на горизонте, бросая тень на коллектив и натужно гудя, показалась муха. Оставляя за собой инверсионный след и проведя сногшибательные эволюции над головами окаменевших от такой наглости сотрудников, она заложила крутой вираж и, войдя в пике, стремительно понеслась к Сейфу. Но как только недезинфицированные лапы этого камикадзе коснулись его сакральной поверхности, произошла странная флуктуация, временно ослепившая и оглушившая сотрудников.

Когда толпа очнулась, её взорам предстал нетерпеливо притопывающий гусеницей Сейф.

– Ну-с, – хладнокровно сказал голос Шефа. – Кто ещё хочет отвесть командирского тела?

Желающих не было. Все пристыжено молчали.

– Эту весточку с того света мы не оставим без внимания и ответим на неё взятием новых рубежей на пути оправдания моего доверия, – грозный взгляд Сейфа уперся в двух расплющенных.

– Все мы понимаем, что находимся накануне заключительного сражения Великой Битвы за чистоту наших рядов, за старый добрый ППИ, за первичную протоплазму – являющуюся нашей истинной матерью, из которой вы все вышли и в которую все скоро отойдете. Око за око, хромосома за хромосому. Вложим в подготовку к этому мероприятию весь ваш опыт, всю вашу энергию, все ваши знания, весь ваш первобытный энтузиазм. Мы предвидим фанатическое сопротивление, но не забывайте о тех, кто идет позади вас. Кстати, это тонкий намек на толстые обстоятельства.

– Пленных не брать, патронов не жалеть. Никакого сострадания. Не обращайте внимания на то, кто перед вами: убеленный ли это сединами самец, самка ли это, или детеныши. Убивайте, убивайте и ещё раз убивайте! Никакой гуманности на освобожденной территории. Все дезертиры автоматически превращаются в экспериментальный материал для лаборатории НИЛЭУ. Потом я объясню вам, что это такое. Вам самим предстоит убедиться в эффективности её методов. Вперёд и только вперёд! С пламенем в сердце и огнём в очах! Вырвем победу из когтей врага! По колено в крови, с засученными рукавами пройдем по родным местам.

– Объясняю в доступной форме, – разрубая гордиев узел своей болтовни, сказал Шеф. – Завтра облава!

Глава 2

Серый рассвет согласно генеральному плану забрезжил над ППИ, осветив ещё не расчехлённые стволы орудий и тускло блестящие мокрые от росы доспехи сотрудников. Одинокие фигуры часовых, неустанно бдя, торчали на углах коридоров. Они бдили уже долгие часы, и они добдились. Добдились до того, что пробудили появление врага.

Под покровом тумана неисчислимые полчища, коварно нарушив односторонний временный договор о ненападении, вырезали отдельные подразделения, прокрались в глубокий тыл и, истребив запасы продовольствия, ускоренным маршем отступили на исходные позиции.

Впрочем, это тоже было предусмотрено генеральным планом.

Стрелки песочных часов показали ровно шесть. Внесли портрет восходящего над окрестностями Шефа. Начиналось утро.

– Всем встать!!! Руки за голову! Лицом к стене! – бодро провозгласили динамики на стенах. – Начинаем производственную гимнастику для служащих ППИ.

Скрипнули членистые сегменты доспехов. Все, как лунатики, не отрывая глаз, вскочили на ноги. В этот момент фронт на всём своём протяжении напоминал растревоженный муравейник.

Призывая все муки ада на голову гидры внутреннего врага, сотрудники с крихтеньем и оханьем построились повзводно. Вдоль рядов, вправляя

вывихи, мелкие переломы, а также мозги, прошмыгнули лейб-костоправы.

Сразу же после этого, суетясь и толкаясь острыми локтями, на лобовую броню танка вскочил сухонький, плюгавенький субъект с ниспадающей на глаза чёлкой и чёрными усиками. Дико вылупив глаза и истерично брызжа слюной, он прокричал длинную и непонятную речь, из которой удалось разобрать только два слова – "майн кампф". Просвистела шальная пуля, и субъекта сдуло. Больше его никто не видел. Прошёл слух, что это был сотрудник отдела агитации и пропаганды.

Ещё два часа прошли в бессмысленном топтании на месте и улаживании мелких дрызг. Что-то тянулось, возможно, время. Сотрудников явно мариновали. Плотоядные огоньки вспыхнули в голодных глазах.

– Кажется, танки на подходе, – сказал кто-то, вслушиваясь в нарастающее урчание.

Но это была всего лишь песнь голодных животов. Розданный всем ликёр "Шасси" и закуска-батончик "Никто не хотел умирать" только накалили обстановку.

– Братцы! Пошто страдаем! Ради кого страдаем! – орали подстрекатели.

– В борьбе обретишь ты счастье своеёя! – внося сумятицу, заорал пропитым голосом левацкий элемент. – Там же внизу винные склады!

Но одинокий винтовочный выстрел оборвал этот крик души.

Дело уже почти дошло до самоедства, когда сквозь ряды прорвался младший чин в коричневом галифе. Разорвав на груди пуленепробиваемый жилет и взмахнув над головой маузером, он спазматически кинул в толпу зажигательный лозунг: "Ешь врага, пока он не съел тебя!", – и прижался к стене. Эхо лозунга ещё отражалось от стен, когда в конце коридора уже затих дробный топот тяжёлых кованых сапог. Двойное эхо великой битвы загрохотало над ППИ.

Перекатываясь через холмы и лестничные марши, с ходу форсируя водные преграды, преодолевая противотанковые ежи и поражая крылатыми ракетами долговременные огневые точки противника, неслась навстречу боям и славе Непобедимая Армада, оставляя за собой выжженную, растрескавшуюся почву. Перед собой Армада гнала с корнем вырванных из застенков НИЛЭУ служащих, грудью заслонявших от вражеских пуль и осколков танки НПП. Непосредственно за танками, засучив рукава и низко надвинув на лоб рогатые каски, шли, с тяжёлыми ранцами за спиной, растянувшиеся редкой цепью специальные подразделения ШефРемДорЗеленСтроя. Проведя дезактивацию, дегазацию, удобрение и увлажнение почвы, они рыли ямки и высаживали молоденькие ёлочки, пихточки, березки, топольки, а также обожаемые Шефом кокосовые пальмочки.

Впереди, позванивая многочисленными наградами, шёл дряхленький седовласый полковник, держа на вытянутых руках глиняную кадку с

большим развесистым фикусом. Под фикусом что-то тихонько посвистывало. Полковник шёл, преданно выкатив глаза и выпятив впалую грудь, – шёл уже двое суток – без пищи, без воды, без курева. Его серые закопчённые губы непрестанно что-то нашёптывали. Иногда мимо него, рассекая воздух, проносились спешившие с донесениями курьеры. Изредка оставившись на почтовых станциях, чтобы сменить запал, они спешили туда, откуда доносились хриплые крики "Ура" и гром канонады.

Сквозь пыль и дым, озарённые красным солнцем, захлебываясь раскалённым воздухом, отплеываясь от хрустящего на зубах песка, сквозь горький смрад горящего сургуча, спотыкаясь, падая, поднимаясь и снова падая – чтобы уже никогда не подняться, с искажёнными от ужаса лицами, размазывая по щекам пот и копоть, тяжело бежали на прорыв солдаты Великого Шефа. С гулким рёвом, прижимаясь к земле, как серые призраки, вырвались из-за горизонта тяжёлые бомбардировщики. Бомбу за бомбой вбивая в истерзанную почву коридоров, они пронеслись над головами и исчезли в дымном мареве. Со свистом рассекая лопастями воздух и в упор расстреливая из пулеметов всё, что осталось живого, прошли пузатые пятнистые вертолёты. С холмов, урча и перемалывая колесами грунт, подминая обгорелые остатки мебели, рванулись закамуфлированные бронетранспортёры, набитые весёлыми и потными ребятами без документов.

Позади, на старой дребезжащей полуторке, трясся еврейский оркестрик, наигрывающий что-то бравурное на разошедшихся скрипках.

– Стой! – раздался неожиданно громкий, угрожающий крик.

Из-за придорожных кустов бесшумно, как в страшном сне, выбрались тёмные личности в белых балахонах и, размахивая деревянными крестами и автоматами, кинулись к машине.

– Гы... – сказал здоровенный верзила и рыгнул в лицо дирижеру.

– Что может быть дороже свободы и независимости, – и передёрнул затвор, после чего, уткнув ему в нос дуло автомата, деловито объявил: "Погром". Изящным жестом иллюзиониста, показывающего детям забавный фокус, он выхватил из рукава обрезок свинцовой трубы и аккуратно тюкнул им по лысине заламывающего руки дирижера.

– Абрам Исаакович, – обратился кто-то к верзиле, – кончайте этот балаган. Вас узнали.

– Как!? Всех!? – возмутился верзила.

Шеф не дремал...

Глава 3

Противник вводил в бой всё новые и новые дивизии, полки и батальоны фольксштурма, команды истребителей танков, продолжая кровопролитие и создавая никому не нужные помехи на пути Армии Великого Шефа. Каждый шаг вперёд требовал огромных усилий, надо было буквально выковыривать неприятеля из глубоких окопов, щелей и лифтовых

колодцев, подавлять его железобетонные огневые точки, разбивать металлические колпаки и хитиновые панцири.

Первая гвардейская танковая и восьмая гвардейская пехотная армии четверо суток – сменяя друг друга – днём и ночью вели ожесточённые бои, ломая упорное сопротивление противника. Пятая мотострелковая дивизия героически продолжала драться в полном окружении, без малейшей надежды на спасение. Когда все были убиты, оставшиеся в живых продолжали бой. Призвав к сердцу сборник "Беседы и суждения", служащие самоотверженно бросались в самую гущу сражения, выстилая своими измождёнными телами дорогу для танков ННП.

Пленных не брали, патронов не жалели. Действовали строго по инструкции.

Тысячи орудий и тысячи самолётов обрушивали на врага смертоносный огонь. Грохотали осадные пушки-гаубицы, свистали реактивные мины, глухо рычали длинноствольные орудия, горела земля, и ветер относил дым горящего ластика в сторону крупной водной преграды – реки Тары. Там вдали за рекой, подтянув резервы и действуя в обстановке строгой секретности, генеральный штаб противника готовил крупную диверсионную акцию, каковая и была совершена в одну из тёплых июльских ночей.

Два до отказа набитых кукурузника, задев шасси верхушки деревьев, пересекли реку и поглубже углубившись в глубь освобождённой территории, выкинули десант парашютистов.

Под огромными лениво перемигивающимися летними звёздами медленно расцвели ярко окрашенные в цвета национального флага купола парашютов.

...Всю ночь служащим снились кошмары...

Все проснулись нервными и издёрганными. Какой-то сущий пустяк – жалкая миска горячей каши, безусловно нечаянно выцеженная за голенище сапога подполковнику контрразведки, – была последним пёрышком, сломавшим шею верблюду. Взбесившийся подполковник, увлекая за собой полевую кухню, диким смерчем прогалопировал по окрестным тылам, нарушая боевые порядки, внося дезорганизующее начало и путая карты Ставки. Впрочем, сразу же после начала расследования, проведённого по этому делу командованием, ему была объявлена благодарность в приказе с занесением в личное дело – за своевременную доставку провiantа отдалённым частям, а также выговор за превышение скорости.

В это время диверсанты собирали парашюты, прятали их под болотными кочками и стройными рядами шли вырезать ни в чем не повинных жителей близлежащих деревень. Им вдогонку были поспешно посланы отряды полиции, которые немедленно подключились к делу. Не будучи достаточно осведомлёнными, они, по досадной ошибке, случайно, уничтожили два соединения инвалидов, проводивших культурно-просветительную работу среди оккуп... освобождённого населения.

Диверсанты напоминали призраков, то исчезая, то вдруг появляясь, они действовали быстро, весело и находчиво. Под корень искореняя коренных жителей и случайных свидетелей, они, тщательно заметая следы, выбрались на большую дорогу и под звон валдайских бубенцов понеслись на лихачах в придорожный ресторан "Астория". Там, ужравшись до свинского состояния и потеряв человеческий облик, устроили пьяный дебош и безобразную сатурналию. После чего, влекомые мощным древним инстинктом, расползлись по номерам и пытались спрятаться за коврами, где и были застигнуты полицией, и в бессознательном состоянии препровождены в ближайший участок. В участке они, слегка протрезвев и очухавшись, продолжили дебош, совратив при этом служащих полиции на нарушение служебного долга.

...Утром начальник участка проснулся со страшной головной болью. Сунув голову в умывальник и врезавшись затылком в кран, он открыл холодную воду и, придя наконец в себя, ощутил угрызения совести. "Всё, – холодея, думал начальник. – Хана". Смутные подозрения терзали его внутренности. Более терпеть было невозможно.

Он поспешно подскочил к двери и рывком распахнул её. Хребёт с грохотом осыпался в его подштанники, кровь застыла в жилах, лысина встала дыбом.

Под промывным бачком, высунув язык и выкатив кроткие глаза, умиrotворённо покачивался на унитазной цепочке младший инспектор № 323. Начальник бессильно опустил на ближайшее место. Под ним что-то утробно зашумело и перед его внутренним взором проплыли события вчерашнего вечера. Ужасающие события. Начальник рванул воротничок и бросил взгляд на потолок. С потолка на него глядели ласковые всепрощающие глаза инспектора № 323, скошенные к переносице. Неожиданно труп инспектора саркастически улыбнулся и подмигнул начальнику левым глазом.

Через полчаса хихикающего и судорожно подёргивающегося начальника доставили в ближайшее отделение НИЛЭУ. А его подчиненных вынесли из камеры, в которой они были сложены аккуратным штабелем, и отправили на восточный фронт.

В это время диверсанты, отравив все колодцы и водоёмы в радиусе пяти тысяч километров, организованно перемещались по направлению к Ставке. Вместе с ними ползли странные слухи. Только по секрету и только вам сообщалось, что скоро подорожает хлеб, что скоро не будет мыла, а так же – о ужас! – что на одном ответственном объекте был зарезан, целиком и полностью, популярный в ППИ и смежных предприятиях вокально-инструментальный ансамбль под звучным названием "Метроном". Вымысел раздувался как мыльный пузырь и естественно, даже закономерно, лопнул. Хлеба не было вообще. Мыло, как и прежде, выдавали совершенно бесплатно, по одному куску в год. А музыкальных служащих видели в нескольких местах одновременно.

Глава 4

Последующие события развивались следующим образом: тёплыми июльскими ночами, под шум боёв и грохот канонады, преодолев многочисленные кордоны, диверсанты, наконец, вышли на Ставку.

Правда, скоро их должны были убить. Как это произойдёт, никто из них ещё не знал, но то, что это произойдёт, они знали наверняка.

Они были ходоками. Они шли с визитом мира и дружбы. Прямо к Шефу... В лапы.

Диверсанты шли по широкой брусчатке, освещённой лучами заходящего солнца – была ночь. Где-то за углом шушукался патруль, меняя, от нечего делать, запалы у гранат. Он так увлёкся этим делом, что не заметил диверсантов. Впрочем, диверсанты его тоже не заметили. У каждого были свои заботы.

Вражеские агенты уже благополучно миновали подворотню с патрулём, когда злая кошка, потревоженная нетактичным поведением главаря, наступившего на её облезлый хвост, громко сказала: "Мяу!", что должно было означать: "Требую сатисфакции!", и вцепилась в его ногу.

– Старый хрыч, – сказал главарь, решив, что это кот, но он жестоко ошибся.

– Патруль!!! – завопил кто-то, не разобравшись в сути вопроса.

– На помощь! Режут!

Побросав гранаты, патруль дружно кинулся наутёк.

Ранним утром, когда служащие вышли на улицу, их любопытным взорам предстало страшенькое зрелище: мостовую устлали изодранные в клочья тела диверсантов.

Но Шеф не спал. Любознательных служащих кинули в застенки НИЛЭУ, начальника патруля наградили медалью "За отвагу", а кошка проходила по делу о коллективном изнасиловании. Однако, как позже выяснилось, была допущена судебная ошибка, вызванная очередным запоем прокурора. Так что кошку обвинили напрасно... Расстреляли её тоже напрасно.

Жалко котят. Бедные сиротки...

Прошел месяц, по некоторым сведениям – два. Но не будем вдаваться в подробности. Оставим это хроникам.

Кстати, хроники бывают разными. Одни болеют насморком, другие – гриппом, третьи – шизофренией.

В Древней Греции был бог Крон, он был первым хроником. У бога Крона был внук Бахус, который являлся хроническим алкоголиком. Греки любили Бахуса. Так же существовал бог Эрос, бывший сексуальным маньяком. Короче, боги Древней Греции болели много, подолгу и каждый своей божественной болезнью.

Шеф не болел ничем, так как если бы он чем-нибудь болел, то это было бы нам, безусловно, известно. Поэтому Шеф был выше богов.

Боги любили Шефа.

ТПРУНЯ – коллективный автор. Под этим псевдонимом объединились в конце 1978 г. члены клуба «Контакт» Валерий Колотвин (тогда – учащийся техникума), Аркадий Павлов (тогда – школьник) и Олег Тумаков (тогда – студент СМИ). Они писали юморески, рассказы, выпускали клубные стенгазеты, в которых были их стихи, комиксы, рисунки, заметки... ТПРУНЯ был и коллективным художником. К сожалению, просуществовало очень недолго (всего одно лето!) их великолепное панно во всю стену в одной из комнат правления общества книголюбов. Невостребованной (тогда) осталась и их незаконченная повесть «Контакт», которую они писали под псевдонимом «Братья Ивановы», написанная не без влияния, а кое-где не без пародирования творчества братьев Стругацких. ТПРУНЯ просуществовал недолго – лет пять. Ныне Валерий Колотвин – художник и поэт творческой группы «Круг Чистых», Аркадий Павлов в 2003 г. закончил режиссерский факультет ВГИКа, снял несколько фильмов-спектаклей, Олег Тумаков – ведущий инженер в Управлении КМК, а теперь НкМК.

Первая публикация ТПРУНЯ – юмореска из цикла «Из космических озарений» – в газете «Комсомолец Кузбасса» 26 января 1980 г. под псевдонимом Тупавко (Тумаков, Павлов, Колотвин). В контактовском сборнике «Люди в квадрате» (Новокузнецк, 2004) опубликован их цикл «Из космических озарений». Думается, что повесть «Контакт», написанная в 1979 году, не утратила своей актуальности и сегодня. А рассказ «Их было трое...», написанный в 1981 году, позволяет заглянуть в творческую лабораторию многогранного коллективного автора.

Оглавление

ТПРУНЯ	
Их было трое... ..	3
Братья Ивановы	
Контакт	9

Издательство «Ник без Соpпaні»

Тираж 50 экз.